

Следы былинного эпоса: записи Г. И. Сулейманова в Прикамье

Галина Николаевна Мехнецова

(Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН:
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4)

***Аннотация.** Статья раскрывает неизвестные страницы истории фольклористики Прикамья, связанные с фигурой известного пермского журналиста Галима Сулейманова (1928–2003). В период обучения на историко-филологическом факультете Молотовского (ныне — Пермского) государственного университета (1946–1951) он всерьез увлекся фольклором, во многом благодаря П. С. Богословскому, преподававшему в университете в 1946–1948 гг. Студент Г. И. Сулейманов проявил себя как талантливый, чуткий собиратель русского и татарского фольклора. Он неоднократно участвовал в фольклорных и диалектологических экспедициях в различные районы Прикамья. В 1948–1949 гг. на территории Юго-Осокинского (ныне — Кунгурский) и Соликамского районов Молотовской области (ныне — Пермский край) ему удалось зафиксировать пересказ былинного сюжета «Илья Муромец и Святогор» и контаминированный текст «Про Илью Муромца».*

Статья основана на архивных материалах, включающих в себя автобиографию Г. И. Сулейманова, его переписку с П. С. Богословским, тетради с фольклорными записями. Впервые вводятся в научный оборот прозаические пересказы былин, записанные Г. И. Сулеймановым, дается их краткая текстологическая характеристика, приводятся описания, позволяющие судить о методике работы собирателя. Рассматриваются факторы, в той или иной мере способствовавшие возникновению, сохранению и трансформации очагов былинной традиции в Пермском регионе.

***Ключевые слова:** история фольклористики, Прикамье, Г. И. Сулейманов, былины, архивные материалы.*

***Дата поступления статьи:** 17 мая 2020 г.*

***Дата публикации:** 25 ноября 2020 г.*

***Для цитирования:** Мехнецова Г. Н. Следы былинного эпоса: записи Г. И. Сулейманова в Прикамье // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 4. С. 41–53.*

***DOI:** <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.4.004>*

Галим Ибрагимович Сулейманов — имя, хорошо известное ветеранам пермской журналистики, но, к сожалению, совершенно незнакомое современным фольклористам в первую очередь потому, что среди публикаций Г. И. Сулейманова нет собственно фольклористических сборников или исследований. О том, что он имел отношение

к пермской фольклористике, можно судить лишь по заметкам в газете «Молотовский университет» конца 1940-х гг. и отдельным упоминаниям в очерках более позднего времени [Сулейманов 2001, 76, 88]. Между тем архивные материалы позволяют более основательно взглянуть на деятельность Г. И. Сулейманова как собирателя и исследователя прикам-

ского фольклора. Настоящая публикация призвана приоткрыть неизвестные ранее страницы истории отечественной фольклористики, относящиеся к 40-м годам XX в. и связанные с Пермским (в те годы — Молотовским) университетом. Основными источниками послужили архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Пермского края (далее — ГАПК) и в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — РО ИРЛИ).

Жизненный путь Г.И. Сулейманова довольно подробно описан им самим в автобиографии [ГАПК. Ф. Р-1710. Оп. 1. № 61], а также в книге очерков «Соленые уши» [Сулейманов 2001].

Галим Ибрагимович (по паспорту — Курбан-Гали; русская версия имени — Григорий Иванович) Сулейманов родился 30 мая 1928 г. в татарской семье. Его родители в разное время приехали в Пермь из д. Муслюмкино Чистопольского района Татарии. Отец трудился слесарем на заводе «Уралсепаратор», мать перебивалась временными работами в городе и окрестных деревнях. Уже в 4 года Галим выучился читать на русском языке по учебникам, которые в то время штудировала его старшая сестра. В школе начал писать заметки в стенгазету, первые стихи и повести, вместе с одноклассником выпускал рукописный журнал «Луч», служивший своеобразным развлечением для всего класса. Начавшаяся война нарушила привычное течение жизни. Семья голодала, поэтому Г.И. Сулейманов летом 1942 г. устроился кочегаром на буксирный пароход «Свобода». Осенью возобновил обучение в школе, а по ночам работал аппаратчиком в химлаборатории пединститута. Окончив семилетку, Сулейманов поступил в авиатехникум, однако через год бросил учебу (никак не давалось черчение). Работал линотипистом в типографии газеты «Звезда», параллельно учился в школе рабочей молодежи. Решив стать литератором, в 1946 г. поступил на историко-филологический факультет Молотовского государственного университета.

Заканчивая университет, Г.И. Сулейманов, как и многие выпускники вуза, планировал связать свою дальнейшую жизнь с преподавательской деятельностью, однако обстоятельства сложились иначе. Он вспоминал: «Я тоже готовился

к школьной работе, но весной 1951 года нашу судьбу повернул приказ Сталина, потребовавший укрепить органы госбезопасности за счет выпускников гуманитарных вузов. Мы перепугались и не посмели отказаться, когда нас “вербовал” майор из М<инистерства> Г<осударственной> Б<езопасности> Удмуртской АССР» [ГАПК. Ф. р-1710. Оп. 1. № 61. Л. 7]. Так вместе с четырьмя однокурсниками Сулейманов поступил на оперативную работу. В органах госбезопасности он прослужил более 9 лет (в Ижевске, Перми, Чусовом), в этот же период сотрудничал с газетами как журналист. После демобилизации работал ответственным секретарем в газете «Чусовской рабочий», выпускал литературную страницу. Пробовал писать рассказы, печатал их в газете, но по разным причинам так и не решился окунуться с головой в серьезную литературную работу. Трудился в редакциях газет «Ленинское знамя» (Пермский р-н), «Знамя коммунизма» (г. Оханск), «Гремячинский шахтер» (г. Гремячинск), на областном радио. В 1969 г. был приглашен в областную газету «Звезда», в которой проработал (с некоторыми перерывами) до выхода на пенсию в 1988 г. Оглядываясь на свой творческий путь, Г.И. Сулейманов отмечал: «Писателя, о чем мечтаюсь с детства, из меня не получилось, зато стал журналистом, думается, неплохим» [ГАПК. Ф. Р-1710. Оп. 1. № 61. Л. 8]. Сулейманов — автор ряда книг и отдельных очерков, посвященных оперативникам-чекистам, Героям Социалистического Труда, пермякам-партизанам, кизеловским шахтерам. В 1985 г. он был удостоен звания лауреата премии Союза журналистов СССР.

Годы обучения на историко-филологическом факультете Молотовского университета (1946–1951) — важный период в жизни Г.И. Сулейманова, который позволяет характеризовать его не только как журналиста и писателя, но и как фольклориста, а потому на них стоит остановиться чуть подробнее.

Основополагающую роль в формировании фольклористических интересов Г.И. Сулейманова сыграл Павел Степанович Богословский (см. о нем: [Иванова 1999]). В 1946 г., после пятилетнего лагерного заключения и семи лет жизни и преподавания в Караганде, профессор

Фотопортрет Г. И. Сулейманова с автографом П. С. Богословского (1949) [РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 5. № 147. Л. 1]

Portrait photograph of G. I. Suleymanov with an autograph by P. S. Bogoslovsky (1949)

Богословский вернулся в Молотовский (Пермский) университет, в котором возглавил кафедру русской литературы на историко-филологическом факультете. В течение двух лет он читал лекции по русскому фольклору, вел спецкурсы по истории фольклористики и взаимосвязям русской литературы и фольклора, руководил семинарами и практическими занятиями. Поставив задачу создать при университете литературно-фольклорный музей, Богословский организовал студентов на сбор материалов для этого музея. Под руководством профессора активно работал при кафедре фольклорный студенческий кружок, осуществлявший ряд экспедиций в районы Прикамья (Галим Сулейманов был выбран старостой кружка). Осенью 1948 г. из-за серьезных проблем со здоровьем П. С. Богословский вынужден был оставить преподавание в Молотовском университете и перебрался в Москву, однако продолжил общение с некоторыми своими учениками через переписку.

Первое время после отъезда Богословского Сулейманов писал ему довольно часто. Он подробно, красочно и с юмором

рассказывал о работе фольклорного кружка (участники объединения, существовавшего до 1950 г., продолжали неофициально считать Богословского своим руководителем), делился радостями и трудностями, советовался с учителем в научных и организационных вопросах. В начале 1950-х гг. их переписка прервалась и возобновилась только через несколько лет. Сегодня эти письма — ценнейший источник для историографического исследования пермской фольклористики конца 1940–1950-х гг.

Между П. С. Богословским и Г. И. Сулеймановым сложились теплые и доверительные отношения, полные взаимного уважения. «Я очень Вам благодарен, мой дорогой учитель, за то, что Вы заинтересовали меня и заставили жить и дышать фольклором. Без Вас я бы прошел по жизни мимо счастья и удовлетворения, которое доставляет фольклор», — писал Г. И. Сулейманов в декабре 1948 г. В фонде Богословского в РО ИРЛИ сохранился фотопортрет Сулейманова с надписью на обороте: «Профессору Павлу Степановичу Богословскому. Любимому учителю от верного ученика. 3 окт<ября> 1949 г<ода>. Галим Сулейманов» [РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 5. № 147. Л. 1об.]. П. С. Богословский считал Сулейманова одним из лучших своих учеников и, без сомнения, гордился им. Об этом красноречиво свидетельствует запись на лицевой стороне присланной ему фотокарточки: «Сулейманов Галим. Талантливый пермский фольклорист-собирает. Ученик П. С. Богословского по Пермскому университету» [РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 5. № 147. Л. 1].

Позже, отвечая на письмо Сулейманова, первое после долгого перерыва, Богословский напишет ему: «Сразу не затронешь всех вопросов, по которым хотелось бы обменяться с Вами мыслями, соображениями, пожеланиями. <...> Главное, что я уловил из Вашего письма — у Вас, Галим, сохранился глубокий интерес к народному творчеству, к филологии, к науке вообще. Это — ценнейшее Ваше качество. Я Вас давно отметил среди своих студентов-филологов как серьезного, талантливого молодого собирателя и исследователя фольклора (именно — талантливого! В этом убеждает меня мой многолетний профессорский опыт)» [ГАПК. Р-1710. Оп. 1. № 65. Л. 1об.].

П. С. Богословский не без оснований полагал, что Сулейманов имеет все предпосылки к тому, чтобы занять достойное место в фольклористической науке, и со своей стороны готов был оказать ему необходимую поддержку, что подчеркивал в продолжении того же письма: «Дорогой Галим, я убежден, что если бы Вы могли работать под моим руководством, я вложил бы весь свой опыт и знания в это дело, т.к., по-моему, из Вас может получиться серьезный научный работник, талантливый собиратель и исследователь, с творческими наклонностями, человек инициативный, любящий избранную область науки. Хотя Вы, Галим, татарин, но Вы прекрасно понимаете дух русского фольклора» [ГАПК. Р-1710. Оп. 1. № 65. Л. 4–4об].

Свои первые фольклорные записи Г. И. Сулейманов сделал весной 1947 г., будучи студентом-первокурсником. Ему удалось собрать произведения русского и татарского фольклора, в том числе от своих бабушки и отца — Сагидэ-бану и Ибрагима Сулеймановых.

В феврале 1948 г. Сулейманов отправился в с. Трёлъяга Юго-Осокинского района (ныне — Кунгурский), где на протяжении пяти дней общался с местными старожилками, записывая от них песни, частушки, сказки, предания, «побывальщины» и др. В большей степени, как можно судить по содержанию тетрадей с записями, собирателя интересовал песенный фольклор. «Беря отдельных исполнителей, — писал Г. И. Сулейманов, — я не задавался целью исчерпать их репертуар. Нет. Для этого не было времени. Да и мне хотелось охватить их как можно большее число, чтобы иметь представление о песенной традиции Троельги. Записывая песни, я в первую очередь просил петь наиболее старинные песни» [ГАПК. Ф. Р-973. Оп. 1. № 429. Л. 3об.]. Стремясь зафиксировать традиционный репертуар, Г. И. Сулейманов сфокусировал основное свое внимание на жителях села старше 60 лет, родившихся в 1870–1880-х гг.

Впрочем, и сельскую молодежь собиратель не обходил стороной. Одним из его собеседников стал молодой (всего на 3 года старше самого Сулейманова) колхозник Александр Колпаков. После встречи с ним Г. И. Сулейманов оставил в тетради следующую запись: «*Колпаков Александр Иванович, 22 [-x] лет, колхозник, неграмотный, уроженец села Троельги. Ниже приводимую сказку об Илье Муромце и Святогоре он, по его словам, слышал в пении стихами от некоего старичка, который в прошлую зиму (1946–1947 гг. — Г. М.) ехал с несколькими колхозниками на лесозаготовки в село Бизяр и вот, достигнутый пядерой (метелью), остановился у Александра Ивановича. Вечером, перед сном, когда колхозники, лежа на обширных полатях, перекидывались веселыми сказочками, этот старик запел вдруг “старинную песню про богатырей старопрежних”. Кроме былины про Илью Муромца и Святогора, пересказанную мне Колпаковым, старик этот спел еще “весёлую” про “скоморохов каких-то да куца Терентья: как у ево жена заболела, а скоморохи-те вылечили”. Но большего, как я ни бился, Александр Иванович вспомнить не мог.*

Дальнейших разысканий я не в силах был проводить, так как на Александра Ивановича наткнулся совершенно случайно и перед самым отъездом.

Александр Иванович знает также много сказок серьезного эпического характера, но рассказывать ему трудно — мешает контузия, полученная на фронтах Отечественной войны» [ГАПК. Ф. Р-973. Оп. 1. № 429. Л. 70–70об.].

Таким образом, Г. И. Сулейманову удалось получить прямое свидетельство о напевном исполнении («в пении стихами») «старинной песни про богатырей старопрежних» Святогора и Илью, а также эпической скоморошины с довольно редким сюжетом «Терентий-гость»¹. Следует отметить, что почти все известные науке варианты сюжета «Илья Муромец и Святогор» зафиксированы в прозаическом

¹ Былинные тексты с данным сюжетом зафиксированы на Урале (сборник Кириши Данилова), на Пинеге (2 текста), в Пудожье, Каргополье, Симбирской губернии. В виде сказки данный сюжет (СУС 1360С) имеет более обширную географию распространения, в том числе записывался Н. Е. Ончуковым на Печоре, что важно отметить в связи с тем, что в другой былинне (об Илье и Святогоре), исполненной проезжим стариком, обнаруживаются черты печорской традиции (об этом см. ниже).

виде. Если признать сугубо достоверными показания самого А. И. Колпакова и в то же время исключить вероятность ошибочного восприятия информации собирателем, то факт бытования данного сюжета в напевной форме следует отнести к уникальным случаям. Саму же ситуацию исполнения былины, описанную Колпаковым, можно считать вполне традиционной: время исполнения — вечер, слушатели — рабочая артель, функция — досугово-развлекательная, жанровый контекст — сказки.

Несмотря на то что А. И. Колпаков слышал былину «Про Илью Муромца и Светогора» всего один раз, он сумел пересказать ее собирателю. Приводим текст этого пересказа в записи Сулейманова².

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА И СВЕТОГОРА

Едет как-то Иль Муромец по полю широкому из Карачая (вероятно — Карачарова)³ да в Киев, к царю тамошнему Владимиру. Едет, едет, повстречал Светогора, самого сильного богатыря русского. Поехали оне вместе. У Ильи была на голове железная шапка на шесть пуд; у тово, у Светогора, шапка в двенадцать пуд. Едут оне, разговаривают. Илья у Светогора спрашивает: «Какá у тебя силушка имеется?» Светогор говорит: «Сила у меня такая, что ежели кто меня обидит, пополам могу рассечь».

Едут оне. Попадает навстречу имя старичок дряхлый. Идёт, не отворачиват. Богатырите кричат ему: «Эй, отворачивай, старая лохань!» Тот не отворачиват. Стал старик-от супротив богатырей и говорит: «Ах, вы нахальныя да грубыя, мужичьё неотёсаныя. Вот положу, — говорит, — на дорогу сумочку, вам не сдвинуть, не шелóхнуть». Попробовал Муромец ногой шевельнуть — сумочка с места не сдвинется, не шелóхнется. Подёргал

рукой — не двигается сумка, пнул ногой — ногу расшиб. «Дай-ка я», — Светогор говорит. Слез, потрогал сумочку — не сдвинется, не шелóхнется, пнул ногой — только ногу зашиб. Плюнули оне, поехали дальше. (А этот старик — Бог⁴ был.)

Попадатса им на путё гроб. Илья Муромец залез в его, примерятся — велик ему гроб. «Давай-ка ты лечь, примёрйяй». Лёг Светогор во гроб — ему впору, как на ево сделан. «Ну-ко, — Светогор говорит, — померяй крышку». Илья накрыл гроб крышкой, а крышка так и пристала, не отдирáтса. «Бей, — говорит, — Илья, по крышке». Взял Илья свой колпак в шесть пудов, как даст о гроб — на гробу обруч скочил. Стал Илья колпаком во гроб бить — обручи вскакивают, гроб опоясывают. Светогор говорит: «Уж, видно, мне помирать тута. Ладно, Илья, я сейчас пену пушшу, а ты пей её, станешь сильней», — и пустил изо рта пену. Стал Илья пить — сделался сильной-сильной. Стал опять бить во гроб — ничо не подёлат. Бил, бил — бёз толку. Плюнул и пошёл своей дорогой.

<Записано> 7/II-48 г. [ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. № 429. Л. 71–72].

Попытаемся кратко охарактеризовать данное произведение⁵. Текст, записанный в Троельге, основан на контаминации двух былинных сюжетов — «Светогор и тяга земная» и «Светогор и Илья Муромец». Сравнение его с севернорусскими вариантами позволяет выявить ряд сюжетных особенностей:

1. Пытаясь поднять «сумочку» старика-странника (Бога, по объяснению исполнителя)⁶, Светогор действует не один, а поочередно с Ильей Муромцем⁷ (одинаково безуспешно). При этом содержимое сумки (тяга земная) напрямую в тексте не называется.

2. Различие в силе богатырей показано разницей веса их доспехов (у Ильи

² Текст приводится по перебеленной рукописи (местонахождение полевых записей неизвестно). Орфография собирателя сохранена ввиду отражения в ней особенностей местного говора, пунктуация приведена к современным нормам.

³ Примечание в круглых скобках, по-видимому, принадлежит собирателю.

⁴ В источнике написание слова со строчной буквы.

⁵ В рамках настоящей статьи мы не ставим перед собой задачи детального текстологического анализа былин. Оба публикуемых текста, несомненно, нуждаются в специальном и подробном рассмотрении, а также в соотнесении с корпусом былинных текстов соседних регионов.

⁶ Напомним, что в большинстве вариантов данного сюжета в образе странника с сумой на плече выступает Микюла Селянинович.

⁷ На эту особенность сюжета обратил внимание П. С. Богословский, анализируя текст «побывальщины» о Егоре-Светогоре и Илье, записанной студентом Ф. С. Шемякиным на р. Лузе [Богословский 1924, 76].

железная шапка (колпак) в 6 пудов, у Святогора — в 12). Именно колпаком (а не мечом или палицей) Илья ударяет по крышке гроба, пытаясь вызволить из него Святогора.

3. Перед смертью Святогор передает свою силу Илье не через дыхание, а пуская пену изо рта. Эта деталь сближает пермский текст с печорскими вариантами (в которых, впрочем, образ пены более разработан) [Былины Печоры 2001, № 2, 3, 6, 8].

4. В пермском тексте опущены эпизоды, традиционные для севернорусских вариантов: нападение Ильи Муромца на Святогора, помещение Святогором Ильи Муромца в карман и др.

В целом же пересказ А. И. Колпакова выдержан в сказочной стилистике; вместе с тем в тексте встречаются как ритмически организованные фрагменты — реликты напевной формы («не сдвинется, не шелохнется»), так и просторечная бытовая лексика («плюнул», «подерьгал»).

Мы не знаем, пытался ли сам Г. И. Сулейманов проанализировать собранный им материал и, если пытался, на что обращал внимание. Известно, что в апреле 1948 г. он представил итоги своей экспедиционной работы на научной студенческой конференции. Вскоре в университетской многотиражке вышла заметка П. С. Богословского, в которой он сообщал, что «Сулейманов натолкнулся на следы былинного эпоса» [Богословский 1948]. Следует отметить, что в Троельге Сулейманову удалось, помимо прочего, записать ряд произведений несказочной прозы, в том числе предания об уральском богатыре Васе Балабурде.

Сулейманов планировал вновь посетить это село зимой 1949 г. «Мне бы хотелось, Павел Степанович, — писал он Богословскому, — хорошенько прощупать село Троельгу и пошарить вокруг него и возле Кунгура» [РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 3. № 198. Л. 3]. Однако из-за отказа университета финансировать зимний выезд фольклористов данный план сорвался.

Очередная экспедиция состоялась летом 1949 г. Участники фольклорного кружка разъехались по районам и работали поодиночке. Г. И. Сулейманов на протяжении двух недель «охотился» за историческими легендами в п. Орёл

Ворошиловского района (ныне — Усольский район), а до этого 20 дней вместе с диалектологами работал в Соликамском районе. В этой экспедиции Сулейманову удалось записать еще один текст с былинным сюжетом, о чем он, конечно, не мог не сообщить любимому учителю.

<Письмо от 3 октября 1949 г.>

«Мне опять повезло, Павел Степанович. Записал былины, вернее — устный пересказ ее. Это не сказка, а именно пересказ, потому что встречаются стихотворные былинные цитации в роде:

*Не вынимат он калену стрелу,
А берёт ево за бёлы руки
И бросат ево выше лесу стояцево,
Выше облака ходяцево...*

Всего 16 страниц тетрадных. Записал таким образом. После сессии я вначале поехал в диалектологическую экспедицию. Дали мне 12 человек и поставили бригадиром над Соликамским районом. Я согласился — есть возможность исследовать район и в фольклорном отношении. Поехал. В деревне Логиново (93 км от Соликамска) у нас диалектологическим объектом был 62х-летний Степан Николаевич Логинов — коренной житель деревни. К нему я подступил. Мне показалось, что он должен быть носителем фольклорной традиции. Могучего, как Васька Буслай, телосложения, чистый, открытый взгляд умных глаз, замечательная память, его последняя специальность (работает сторожем колхозным), располагающая к фольклорным импровизациям, — подсказывали мне в пользу предположения. Я стал наводить его на фольклорные темы. Он разговорился, и на другой день, когда я попросил записать от него сказочку, он сказал: “Што сказка! Бабыя утеха. Я тебeka быль расскажу. Про Илью Муромского слышал? Нет? Это богатырь был, Русь от татар спасал; про ево и побывальщину склали. Послушай-ко... Вот начало:

*Илья Муромец, сын Иванович,
Жил да он в селе Корчарове, (так! — Г. М.)
Што при городе Муроме.
Батюшко у ево был хресьянин,
Иваном Тимофеицем звали.
Матушка у ево — Анна Ивановна была...
и т.д.”*

Всю былину я пришло Вам в следующем письме. Больше у него, кроме пяти волшебных сказок, записать ничего не удалось» [ГАПК. Ф. Р-973. Оп. 1. № 187. Л. 5об.—6].

Конечно, П. С. Богословского не могла не заинтересовать уникальная находка его студента. На протяжении 1940–1944 гг. Богословский плотно занимался изучением «Сборника Кирши Данилова» (см.: [Горелов 1998]). Об этой работе спрашивал его и сам Г. И. Сулейманов, заявляя о своих научных предпочтениях: «Интересуюсь былинной традицией нашей области. Павел Степанович, Вы работали над проблемой определения уральского происхождения “Сборника Кирши Данилова”. Нет ли Вашего исследования в нашей Горьковской библиотеке? Или, быть может, в Москве есть?» [ГАПК. Ф. Р-973. Оп. 1. № 187. Л. 6об.]. Ответ профессора, очевидно, был отрицательным; исследование сборника Кирши Данилова было им завершено, однако ни защиты диссертации, ни публикации не последовало.

7 декабря 1949 г. Сулейманов отправил Богословскому письмо, к которому приложил несколько машинописных листков: «Павел Степанович, посылаю обещанную Вам, но, к стыду моему, до сих пор не высланную запись “былино-сказки” “Про Илью Муромца”. Запись я вёл в фонетической транскрипции, и Вам будет неудобно читать, наверное. Но сглаживать, “долитературивать” я не стал, потому что звучит уже как-то не так» [ГАПК. Ф. Р-973. Оп. 1. № 187. Л. 12].

Машинописный текст дополнен написанными от руки диакритическими знаками, указывающими на особенности диалектного произношения (неслоговой «у» — «ехаў», «поўтора», фрикативный «г» — «боуатырь»). Кроме того, чернилами от руки внесены фонетические поправки («кнезь» вместо «князь», «знацит» вместо «значит» и т.п.), расставлены точки над «ё» и знаки ударения в отдельных словах.

При подготовке текста к публикации нами была отредактирована его разбивка на абзацы, строчные буквы в начале отдельных слов («Бох», «Русская земля», «Сивко-Бурко») заменены прописными, пунктуация приведена к современным нормам.

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Илья Муромец сын Иванович жиў в селе Корачарове, што при городе Муроме. Батюшко

у ево быў хресьянин. Иваном Тимофеицем звали. Мать — Анна Иваноўна. Дитё им Бох даў — единова сына. Назвали ево Иллёй. Сидеў он сиднем 33 года. Ни ног, ни рук ни цюяу. Вроде паралиць, ли цё ли. Нормальные, а значит, не служили.

Как-то отец-мать у ево ушли на покос. Только ушли — пришли к ему три старика. Старицьки сидинькиё. Увидали Иллю на пеце. «Подай нам, парнишко, милостыньку». — «Рад бы, миленькиё, да ходить не могу», — Илля-то говорит им. — «А ты скоци на ножки». Встаў Илля на ноги. Пошатываца, а идёт. Старицьките посмииваюца. «У вас пиво есь (знают уж), принеси нам попить маленько». В гоўпце, значит. Он с ведёрком слез, поцерпнуў им пива. Вылез. «На-ко сам пей». *(Это быть ведь. Колды Влодимер царсвоваў, кнезь такой.)*

Илля одним духом выпей (ведро-то всё!). «Ну-ко ишо принеси». Он принёс друго вдро. «Ишо выпей». Он одним духом и ево выпей. «Ну, чё поцюяў?» — спрашивают ево. «Велику силушку поцюяў. Дайте мне кольчё, — говорит. — Куды ево притчепить к небу, я бы всю землю поворотиў». И вот тово. Старицьки-те говорят: «Довольно тебе сиднем сидеть. Давай тово; очень, — говорят, — нашествиё большое, поганые татары-воры, — говорят. — Ета силушка тебе не для тово дана, а значит, штобы Русскую землю от воров оцисыть». Вот оно как. «Теперя, — говорят, — ступай — возьми коня». — «А где мне конь?» — Илля-то спрашивает. — «А поди в поле старкай: “Сивко-Бурко, вешшой, моў, коурко”. Тебе-ка станет конь — из роту огонь. Всё оружиё там найдёшь: булатной нож, калёны стрелы...» *(Оне боуатырем ево сделали.)* Сказали ето и как растаяли. Сказали только: «Отця-мать покинь, попроси благословеньцо». Оне и скрылись.

Пошёў Илля к отчю-матери. Оне оддыхали. Взяў косу. Цельной стог накосий, а сам спрятаўся. Оне пришли — дивуюца: «Хто напроказиў?» Илля вышеў. Оне радуоца: вот Бох даў работницка! А Илля-то им: «Мне-ка нельзя дома жить. Мне велят оцишшать Русскую землю». — «Надо бы нам помошницка, да уж ладно, иди». Благословили ево, наказывали: «Не убей в поле христианина». Хрест ему дали. Догадались об ём — целовек немоглой быў, вдруг боуатырь зделался.

Пошёў он в полё. Старкаў лошадь свою: «Сивко-Бурко, вешшой, — говорит, — коурко, стань передо мной». Откуль тут лошадь взялась. Збруя — цены нет. Сёдешь — задничю не смозолишь. Сеў Илля. Отець-мать видали ево,

как садиўся, а не увидали ево поезку. Как птича улетеў.

Ехаў-ехаў — три дороги. Рядышком белгорюць камень лежит. А на ём написано: «По правой ехать — боўату быть, по леву — жена-ту быть, а по премой — убиту быть». Думаў-думаў, што делать? «Боўатым, — говорит, — мне жить не указано, а женатым быть не думаю ишо, — говорит, — а по премой ехать — убить меня не за што и взять с меня некого». (*Он-то подумаў, што в бою ему смерть не заказана — старицьки-то сказали.*)

Ехаў-ехаў, оддыхать у рицьки стаў. Да так крепко заснуў — ничё не слыхаў. Коня на травку пустиў. А за ём ехаў Борис Королевич. Тот под'ехаў, видит — палица у ево девеносто пудов. Борис-от задорной быў. Хотеў в сердце ему дать. Калёну стрелу добыў. Стрельнуў. Угодило ему в хрес⁸. Пробужаецца Илля. «Што ты, — говорит, — бьёш сонно́ва? Сонно́ва бить — што мэртвова». Не вынимат он калёну стрелу, а берёт ево за белы руки и бросат ево выше лесу стояцева, выше облака ходяцева. Он ево подхватиў на руки — не разбиўся, знацит. Заплакаў тут Королевич: «Отпусти ты меня до матушки родной». И Илля-то заплакаў: «Ты, — говорит, — знай с кем сражаться. Поезжай уж».

Знацит, поежаў опеть вперёд, а ета дорога заросла. Трицеть лет тамо Соловей-разбойник сидеў, со свисту убиваў. У ево деветь сыновей было, вроде как царство у ево. Вот и убиту быть — как на камне написано. Ни конной, ни пешой не стали йздить — хто по смерть пойдёт!

Илля десеть вёрс не доехаў — учуяў Соловей-разбойник, засвистеў. Конь паў на колени. Илля-то ругат ево: «Ах ты, волчья кось⁹, травеной мешок! Испугался свисту соловьинова!» Опеть поежаў. Стаў подьезжать к дубу-то — Соловей ишо пушке свистит. Илля стаў калёну стрелу вынимать и стрелять. И попаў ему в правой глаз. А тот как сноп повалиўся. Посадиў он за себя, на лошада. Поежаў он мимо ево домобу. Хозяйка увидала Соловья, заплакала, сыновья поскакали. Вынимают ларцы — сколь награблено было: «Возьми — отдай нам старика». Илля отвечат: «Не надо мне золота. Я Соловья-вора ко Влодимеру повезу, штобы он народ не убиваў, не грабиў».

Вот приехаў Илля ко двору, а двор не запер. Оставиў ево с конём в ограде (*привязанновато*), и заходит Илля Муромец сын Иванович

в полаты царский. А те обедают. На все цетыре сторонушки поздороваўся. Кнезь выходит к ему, подносит чару поўтора ведра. Он чару принимает одной рукой, выпиват однем духом.

«Дак ты отколь, детина? Цей ты да как тебя зовут, како место тебе дать?» — «А зовут меня Илейкой, сын я Иванович, из села Корачарова, ехаў я дорогой прямоёжжей».

Боўатыри, двенацеть их штук было, смиюца: «Он в твоих-де глазах заверяецца (*обманыват, поди*). Тут трицеть лет Соловей-розбойник сидит, не можот он проходу дать». — «А коли не вирите, дак я на двор ево привез». А Влодимер-от князь возрадовалса. «Ох, потешь, — говорит, — нас: как он рвякнет?» Пошли все из-за стола в ограду. «Я, — говорит, — вас, кнегинюшко, за пазуху возьму, — шыпко вам страшно покажецца», — ето Илля-то. «Зашипи, — говорит, — по-змеиному, зарывкай по-звериному». Соловей как рвякнёт. Боўатыри без память пали. Князь-то: «Не надо, — говорит, — ету змеину-зверину. Убей», — говорит. Илля убиў, значит, Соловья-розбойника.

Зашли в палату. Кнезь ему место даёт: «Перво место со мной сядь рядом, а второе место — супротив меня» (*знацит, всех дороже ему*). С нидильку так живут. А Олёша Попович быў. Олёше завидно стало. Схватив булатной нож да хотеў в сердце дать Илле-то. Илля не обробеў, хватив нож на лету. «Эх, Олёша Попович, завидные у тебя глаза». Совесно стало Олёше. Так драки не стало.

Вот живут. Што не заладитца, всё Иллю посылают — старшой за меньшова хороница, всё перепираютца друг на друга. Где-то Илля быў на поезке да опоздаў. Место занели у ево. Влодимер говорит: «Садися наokraшке». Илля: «Ну, ладно, — говорит, — седу и наokraшок». Стаў Влодимер всех дарить. Илле-то даў шубу соболью. Россердиуся Илля: «Шубу мне-ка даў с плеча татарскова и местом обидеў. Ровняешь ты ворона с воронятами». Ето не взлюбелось Влодимеру-кнезю. «Давайте, — говорит, — берите ево». Берут ево восемь целовек. Махнёт Илля правой рукой — цетыре боўатыря без памяти лежат, махнёт левой — ишо цетыре боўатыря.

«Берите двенацеть целовек», — Влодимер говорит. — «Не распайяй мне кровь, Влодимер. Мне заказано кровь христианскую не проливать. Сам уж пойдю в подвалы».

Пошёў. Тамо цементом всё обложено. Решётки железные. Лампоцку ему дали. Посадили

⁸ В машинописи первоначально: «хрест», «т» зачеркнута чернилами.

⁹ В машинописи первоначально: «кость», «т» зачеркнута чернилами.

ево. Решётки задёрнули. А кнегиня догадлива была. Ево поила-кормила всё времё. Три года пробжиу.

Кáлин-царь подошёу ко Киев-граду. Сметы нет. Влодимер перепугаёу. Посылат с дарами. Боуатыри все бояцца сразытьца с татарами. Закруциниуся князь. «Напрасно, — говорит, — Иллиу сгубиу». Кнегиношка-то говорит: «Не живой ли ишо?» Пошли — сидит, как лунь седой. Те в ноги ему давай падать. «Я прошшаю», — князь говорит. Илля на ево и гледеть не стау. «Я, — говорит, — не тебя зашишшаю, народ христианской спасать буду». Вышеу в полё. Конь у ево тут жё. (*Кажной город раньшо быу загорожон, нынцет нет.*) А конь целовецим голосом заговориу: «У Кáлина-царя есь три канавы глубокиё. (*Топерь вот окопы, толда — канавы.*) Я, — говорит, — первыё две перескоцо, а третью — нет, в яму паду». Илля россердиуся: «Ах, ты конь, травеной мешок! Тебе бы пашню пахать, не татар топтать». Поехали. И правду, конь две ямы перескоциу, в третью попау. Илля упау, а конь убежау. Набежали татарё. Оковали ево. Рвануу руками — чепа в кусоцки. Схватиу татарина — в плечах с метру. Нацяу по силушке погуливать. Дошёу до Кáлина-царя и ево убиу. А в Киев-граде <в> плакун-кóлокоу звóнят по мёртвому. (*Конь-от без ево прискакау, думали — убит.*) Стуцит в ворота: «Открывайте, побиу басурман». Пустили ево. Влодимер ему в ноги падат. Илля на ево не гледит. «Ладно, — говорит, — послужиу я тебе. Пойду церкву строить».

Поехау к себе. Церкву построиу, тут и окаменеу.

Я видеу ево слитова из камню, как вот Ленин у нас в клубе из бронзы слит. Раньше боуатыри были так жо слиты из камню, статуя называецца.

Записано 8.7.<19>49 <...> [ГАПК. Ф. Р-973. Оп. 1. № 187. Л. 14–23].

Проанализируем основные особенности данного текста.

В основе пересказа С.Н. Логинова лежит контаминация нескольких сюжетов об Илье Муромце («Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», «Илья Муромец и Калин-царь»), раскрывающих биографию богатыря от момента его рождения до смерти. К перечисленным сюжетам

добавляется эпизод, описывающий столкновение Ильи Муромца с Борисом-королевичем, по-видимому восходящий к былинному сюжету «Илья Муромец и Сокольник» («Бой Ильи Муромца с сыном»). Об этом говорит, в частности, имя поединщика (Борис), встречающееся в отдельных текстах¹⁰. Впрочем, в пересказе Логинова отсутствует указание на то, что Борис Королевич — сын Ильи Муромца, что вполне закономерно, учитывая место обозначенного эпизода в общей композиции былины: Борис Королевич нападает на Илью Муромца во время самой первой поездки русского богатыря (еще до встречи с Соловьем-разбойником).

Логинов вводит в свой текст современные реалии: при описании подвала, в котором заточен Илья, он употребляет слова «лампочка» и «цемент». В прозаическом пересказе былины можно обнаружить рудименты стихотворной формы («стихотворные былинные цитации», по определению Г.И. Сулейманова), проявляющиеся в виде ритмически организованных фрагментов текста 10–11-слового объема с 2–3 ударениями:

Л. 18: «Ах ты, волчья кос<т>, травеной мешок!

Испугался свисту соловьинова!»;

Л. 19: «Он в твоих-де глазах заверяецца»;

Л. 20: «<Как> старшóй за меньшóва хороница»;

Л. 22: «<В> плакун-колокол звонят по мертвому».

Нельзя исключать того, что пересказ былины, записанный в д. Логиново, восходит к книжному источнику — возможно, к какому-либо популярному изданию былин или сказок. Впрочем, рассуждать об этом на основе имеющихся данных крайне затруднительно: к сожалению, нам ничего неизвестно ни о грамотности исполнителя, ни об источниках формирования его сказочного репертуара.

Как следует из комментария Сулейманова, Логинов, будучи знатоком сказок, проводил различие между сказкой («бабьей утёхой») и повествованием об Илье Муромце, характеризуя последнее как «быль» или «по-бывальщину». Вера С.Н. Логинова в реальность описываемых в былине событий подтверждается и ремарками, возникающими

¹⁰ По наблюдениям А.И. Лященко имя Борис является наиболее распространенным именем (после прозвищ Сокольник и Подсокольник) для сына Ильи Муромца [Лященко 1925, 44–45].

по ходу повествования («*Это была ведь. Колды Влодимер царсвовау, князь такой*»), и его концовкой — своеобразным «личным свидетельством» сказителя («*Я видел его слитого из камня...*») Подлинно ли это свидетельство, остается лишь догадываться: Логинов мог, например, видеть где-либо репродукцию скульптуры, изображающей богатырей, а мог и присочинить концовку сродни сказочному «и я там был...». Аналогичное утверждение о существовании окаменевшей фигуры Ильи Муромца обнаруживается в записях А. Харитоновна на Северной Двине [Иванова 2001, 90].

Обнаруженные в пермском архиве записи Г.И. Сулейманова позволяют нанести на «эпическую карту» Прикамья сразу две новые метки. Попытаемся проанализировать факторы, способствовавшие появлению и сохранению былин в этих местностях.

Основополагающий фактор, предопределивший появление в Прикамье очагов эпической традиции, — колонизационные процессы, происходившие в XVI–XIX вв. Пути русской колонизации Пермского региона описаны в трудах историков, поэтому мы не останавливаемся подробно на данном вопросе. Увязка исторических данных с проблемой географического распространения былин проводится в исследовании Т.Г. Ивановой. Основной вывод исследовательницы заключается в том, что пермская былинная традиция является продолжением традиции Перми Вычегодской (Великий Устюг — Сольвычегодск — Лальск) [Там же, 153–161, 186].

В то же время географическое положение тех населенных пунктов, где Сулейманову удалось записать былинные сюжеты, наталкивает на дополнительные размышления.

Деревня Логиново Соликамского района до революции относилась к Урольской волости Чердынского уезда. Согласно исследованию А.Ф. Теплоухова, население района, куда входила Урольская волость, происходило от переселенцев из Усть-Сысольского, Яренского, Никольского, Сольвычегодского, Глазовского, Котельничского, Устюжского, Орловского и Слободского уездов [Теплоухов 1927, 10].

В XVI–XVIII вв. (период активного освоения русскими Северного Прикамья) через эти земли пролегал старый Московско-Сибирский тракт (на карте 1895 г., составленной И.Я. Кривошцёковым, — «Государева дорога из Кайгорода в Сибирь»). На этом пути в первой трети XVII в. и была основана д. Логиново (в писцовой книге М. Кайсарова 1623–1624 гг. — починок на Дуброве¹¹). Название деревни образовано, по-видимому, от имени Логина (Логинка) Иванова сына Жуланова, упомянутого в переписных документах 1678 и 1710 гг. Деревня Логинова как поселение на тракте, имевшее в 1733 г. десять дворов, упоминается в путевых заметках И.Г. Гмелина [Gmelin 1752, 555] и позже в «Дневных записках» Ивана Лепёхина [Лепёхин 1780, 194]. Начиная со второй половины XVIII в. (после официального открытия нового тракта, проходящего через Казань, Пермь, Кунгур и Екатеринбург) старая «государева дорога» постепенно утратила свое прежнее значение. По свидетельству Лепёхина, по ней продолжали ездить лишь великоустюгские и архангелогородские купцы, торговавшие на Ирбитской ярмарке [Там же, 207]. В конце XIX в. тракт был передан земству, в д. Логиново находилась земская станция.

В непосредственной близости от большой дороги — нового Московско-Сибирского тракта — располагалось и село Троельга (Троельжанское) Кунгурского уезда. Ближайшая почтовая станция находилась от него всего в 14 верстах, в с. Кыласово. В 25 верстах от Троельги находился и уездный город Кунгур — крупный торговый центр, расположенный на пересечении сразу трех гужевых путей (Сибирского, Горблагодатского и Бирского трактов). Есть еще одно важное обстоятельство. Село хоть и не было заводским (в прошлом в нем проживали государственные крестьяне), но располагалось в плотном окружении медеплавильных и железодельных заводов — Бизярского, Бымовского¹², Юго-Кнауфского, Курашимского. Напомним, что в материалах Сулейманова с. Бизяр упоминается как место, куда в составе лесозаготовительной артели следовал исполнитель былины об Илье Муромце и Святогоре.

¹¹ Современное название реки — Дубровка (Камский речной бассейн).

¹² Медеплавильный завод в с. Бым, основанный А.Н. Демидовым, располагался в 14 верстах от Троельги.

Наконец, следует обратить внимание и на этнический состав населения рассматриваемых нами сел. Согласно дорожным заметкам И.И. Лепёхина, д. Логинская на отрезке пути от Соли Камской до с. Косинского стала для него последней русской деревней, а отстоящая на 20 верст к западу д. Селища, как отмечал сам путешественник, «была для нас первая, где мы увидели тот род людей, которых пермяками называют» [Там же, 194]¹³. И.Я. Кривощёков относил местное население к обрусевшим пермякам [Кривощёков 1914, 499], другие источники [СНМ 1905, 366; СНП 1928, 8–9] — к русским. Так или иначе, в непосредственной близости к д. Логиново находились пермяцкие поселения, ныне относящиеся к Коми-Пермяцкому округу Пермского края.

В с. Троельга Кунгурского уезда и окрестных деревнях проживали русские. В то же время эта местность довольно близко располагалась к северной границе обширного ареала расселения сылвенско-иренских татар¹⁴. Заметим, что внутри этого ареала (в д. Шарынино Ординского района) участникам экспедиции Пермского государственного университета удалось записать целый ряд текстов с эпическими сюжетами [Преженцева, Черных 2000].

Все вышеизложенное можно обобщить в двух основных пунктах:

1. Факт фиксации былинных сюжетов в д. Логиново Соликамского р-на и с. Троельга Кунгурского района в очередной раз подтверждает значение этнического пограничья (иноэтнического окружения) как фактора, предопределяющего сохранение русской былинной традиции в том или ином регионе (см. об этом: [Иванова 2001, 10–14]).

2. Близость названных населенных пунктов к большим трактам (и, следовательно, большая плотность миграционных и торговых потоков), а кроме того, тесные контакты крестьянского населения (с. Троельга) с населением близлежащих заводов можно рассматривать как фактор, в определенной степени влияющий на формирование местных фольклорных традиций.

Характер этого влияния применительно к былинной традиции хорошо передается через понятие «диффузия эпических

репертуаров», предложенное Т.Г. Ивановой в связи с оценкой значения морских промыслов, обеспечивавших взаимные контакты жителей разных северных районов [Там же, 66]. На Урале подобную диффузию могли обеспечивать колониационные процессы, связанные с развитием горнозаводской промышленности и путей сообщения между европейской частью России и Сибирью. Контакты населения Прикамья с выходцами из других регионов, надо полагать, были еще активнее и обширнее по географии (в сравнении с Русским Севером). Таким образом, эпическая традиция могла быть принесена в Прикамье не только с ранней колонизацией (XVI–XVII вв.), но и с относительно поздней (XVIII–XIX вв.). Заметим, что большинство былин в Уральском регионе записано в населенных пунктах, близких либо к заводам, либо к большим трактам. Впрочем, возможные выводы из данного наблюдения можно рассматривать в качестве гипотезы, нуждающейся в проверке на более широком материале, который, будем надеяться, еще обнаружится в архивах.

Еще раз подчеркнем, что нельзя отрицать и фактор влияния книжных источников на былинную традицию Прикамья. Однако в силу ряда причин (прозаическая форма повествования, схематичность в изложении сюжетов при пересказе, недостаток материала, необходимого для определения типических признаков устной былинной традиции Прикамья) установление характера и степени этого влияния представляется весьма затруднительным.

Вклад Г.И. Сулейманова в развитие пермской фольклористики еще предстоит оценить в полной мере. Вне всякого сомнения, достойны публикации и собранные им фольклорные материалы, и интереснейшая переписка с П.С. Богословским. Тексты с былинными сюжетами, записанные Сулеймановым в Соликамском и Кунгурском районах, пополняют источниковую базу отечественного былинноведения, позволяя более определенно подойти к решению многочисленных вопросов, связанных с бытованием былин в Уральском регионе.

¹³ Схожие сведения представлены и у И.Г. Гмелина [Gmelin 1752, 555].

¹⁴ Ближайшая татарская деревня (Казаево) находится всего в 11 верстах от Троельги.

Источники и материалы

Богословский 1924 — *Богословский П. С.* Материалы по народному быту, фольклору и литературной старине // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 70–83.

Богословский 1948 — *Богословский [П. С.]* VII научная студенческая конференция. Филологическая секция // Молотовский университет. 1948. № 1. 16 апр.

Былины Печоры 2001 — *Былины Печоры.* СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1. (Свод русского фольклора. Былины. Т. 1–2).

ГАПК. Ф. Р-1710. Оп. 1. № 61 — Государственный архив Пермского края. Автобиография Г. И. Сулейманова. 1989. 9 л.

ГАПК. Ф. Р-1710. Оп. 1. № 65 — Государственный архив Пермского края. Письма П. С. Богословского к Г. И. Сулейманову. 1957–1959. 17 л.

ГАПК. Ф. Р-973. Оп. 1. № 187 — Государственный архив Пермского края. Письма Г. И. Сулейманова к П. С. Богословскому. 1949–1958. 44 л.

ГАПК. Ф. Р-973. Оп. 1. № 429 — Государственный архив Пермского края. Фольклорные материалы, собранные в с. Троельга Юго-Осокинского р-на студентом МолГУ Сулеймановым Галимом. 1948. (Л. 1–78об.)

Кривощёков 1914 — *Кривощёков И. Я.* Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914.

Лепехин 1780 — Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина ... по разным провинциям Российского государства в 1771 году. СПб., 1780. Ч. 3.

Лященко 1925 — *Лященко А. И.* Былины о бое Ильи Муромца с сыном // Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусства за 1917–1923 годы. М., 1925. С. 36–68. (Памятники древней письменности и искусства. Т. 190).

РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 3. № 198 — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Письма Г. И. Сулейманова к П. С. Богословскому. 1948–1960. 22 л.

РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 5. № 147. Л. 1об. — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Фотопортрет Г. И. Сулейманова с дарственной надписью П. С. Богословскому. 1949. 1 л.

СНМ 1905 — Список населенных мест Пермской губернии <на 1 янв. 1904 г.>. Пермь, 1905.

СНП 1928 — Список населенных пунктов Уральской области. Т. 1: Верхкамский округ. Свердловск, 1928.

Сулейманов, 2001 — *Сулейманов Г.* Соленые уши: Очерки пермского обывателя. Пермь: Вся Пермь, 2001.

Теплоухов 1927 — *Теплоухов А. Ф.* Связь Пермского края с севером и западом по историческим данным, географическим названиям и фамилиям жителей // Чердынский край. Чердынь, 1927. Вып. 2. С. 3–13.

Gmelin 1752 — *Gmelin J. G.* Reise durch Sibirien von dem Jahre 1740 bis 1743. Göttingen, 1752.

Исследования

Горелов 1998 — *Горелов А. А.* П. С. Богословский — исследователь сборника Кириши Данилова // Из истории русской фольклористики. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 4/5. С. 280–297.

Иванова 1999 — *Иванова Т. Г.* П. С. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела на 1995 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 3–35.

Иванова 2001 — *Иванова Т. Г.* «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

Преженцева, Черных 2000 — *Преженцева Е. С., Черных А. В.* Записи былинных сюжетов в Южном Прикамье // Фольклорный текст-99: Матер. науч.-метод. семинара. Пермь, 2000. С. 3–13.

© Г. Н. Мехнецова, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мехнецова Г. Н. <https://orcid.org/0000-0001-5227-8432>

Соискатель отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом)

РАН: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4;

тел.: +7 (812) 328-19-01; e-mail: galina.mekhnetsova@yandex.ru

Traces of Russian Bylina Epics: G. I. Suleymanov's Recordings in the Kama Region

Galina N. Mekhnetsova

(Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences:
4, Makarov emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation)

Summary. *This article reveals unknown pages of the history of Kama Region folklore studies associated with the figure of the famous Perm journalist Galim Suleymanov (1928–2003). While studying at the Faculty of History and Philology at the Molotov (now Perm) State University (1946–1951), he became seriously interested in folklore, largely thanks to P.S. Bogoslovsky, who taught at the university in 1946–1948. Even as a student, Suleymanov proved to be a talented, sensitive collector of Russian and Tatar folklore. He repeatedly participated in folklore and dialectological expeditions to various regions of the Kama Region. In 1948–1949, on the territory of the Yugo-Osokinsky (now Kungursky) and Solikamsky Districts of the Molotov Region (now Perm), he was able to record the bylina stories “Ilya Muromets and Svyatogor” and the contaminated text of “About Ilya Muromets” in retold form.*

The article is based on archival materials, including Suleymanov's autobiography; his correspondence with Bogoslovsky; and his notebooks containing folklore records. For the first time, the prose paraphrases of bylinas (Russian heroic epics) that Suleymanov recorded are introduced into scholarly circulation. Their textual characteristics are briefly described, and materials that allow us to judge the collector's methodology are presented. Also considered are the factors that contributed to the emergence, preservation and transformation of the epic tradition in the Perm Region.

Key words: history of folklore, Kama Region, G. I. Suleymanov, bylinas, archival materials.

Received: May 17, 2020.

Date of publication: November 25, 2020.

For citation: Mekhnetsova G. N. Traces of Russian Bylina Epics: G. I. Suleymanov's Recordings in the Kama Region. *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 4. Pp. 41–53. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.4.004>

References

Gorelov A. A. (1998) P.S. Bogoslovskii — issledovatel' sbornika Kirshi Danilova [P.S. Bogoslovsky — Researcher of Kirsha Danilov's Collection]. In: *Iz istorii russkoi fol'kloristiki* [From the History of Russian Folklore Studies]. Iss. 4/5. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. Pp. 280–297. In Russian.

Ivanova T. G. (1999) P.S. Bogoslovskii i ego fond v Rukopisnom otdel Pushkinskogo Doma [P.S. Bogoslovsky and his Collection in the Manuscript Department of the Pushkin House]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela na 1995 god* [Yearbook of Manuscript Department for 1995].

St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. Pp. 3–35. In Russian.

Ivanova T. G. (2001) “Malye” ochagi severnorusskoi bylinnoi traditsii: Issledovanie i teksty [“Small” Hearths of the North Russian Bylina Tradition: Research and Texts]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. In Russian.

Prezhentseva E. S., Chernykh A. V. (2000) Zapisi bylinnykh syuzhetov v Yuzhnom Prikam'e [Recordings of Bylina Stories in the Southern Kama Region]. In: *Fol'klornyi tekst-99* [Folkloric text-99]. Mater. of the schol. and method. seminar. Perm. Pp. 3–13. In Russian.

© G. N. Mekhnetsova, 2020

ABOUT THE AUTHOR

Galina N. Mekhnetsova <https://orcid.org/0000-0001-5227-8432>

E-mail: galina.mekhnetsova@yandex.ru

Tel.: +7 (812) 328-19-01

4, Makarov emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

PhD Candidate, Department of Russian Folklore, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)